

В. П. Чудакова // *Управління школою. Видавнича група ОСНОВА*, 2012. – № 19–21 (355–357) липень. – С. 10–20.

12. Чудакова В. П. Науково-методичне забезпечення формування готовності педагогів до інноваційної діяльності / В. П. Чудакова // *Освіта і розвиток обдарованої особистості: Щомісячний науково-методичний журнал*. – 2012. – № 3–4 (серпень–вересень). – С. 186–205.

13. Чудакова В. П. Інтегральний показник «Інноваційність» – чинник формування конкурентоздатності особистості / В. П. Чудакова // *Освіта і розвиток обдарованої особистості: Щомісячний науково-методичний журнал*. – 2013. – № 8–9 (15–16) (серпень–вересень). – С. 175–191.

14. Чудакова В. П. Формування конкурентоздатної особистості, готової до інноваційної діяльності, в швидкозмінних умовах засобами *рефлексивно-інноваційного тренінгу* / В. П. Чудакова // *Навчання і виховання обдарованої особистості: теорія і практика: Зб. наук. праць. Випуск 10 // І. С. Волощук (гол. ред.) та ін.* – К.: Інститут обдарованої дитини, 2013. – 326 с. – С. 300–310.

15. Чудакова В. П. Моделі й технологія формування психологічної готовності персоналу організацій до інноваційної діяльності як чинника конкурентоздатності особистості в швидкозмінних умовах: Зб. наук. праць Інституту психології імені Г. С. Костюка НАПН України / Ред. кол.: С. Д. Максименка (гол. ред.) та ін. – Київ–Алчевськ: ЛАДО, 2013. – Том II. Організаційна психологія. Соціальна психологія. Економічна психологія / За ред. С. Д. Максименко, Л. М. Карамушки. – 2013. – Вип. 38. – С. 314–326.

УДК 159.923.2;159.9.07

Валентина Александровська,
м. Донецьк

ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ КАК ЯЗЫК ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

У статті розглядається роль ідеальних образів у творчому розвитку особистості, єдність імагінального і креативного феноменів, етапи розвитку цієї єдності в дитинстві і його початок, їх онтогносеологічне джерело. Автор використовує дослідження цієї проблеми у світовій і вітчизняній історії психології, показує семіотичний характер ідеальних образів і їх функцію як природнього знаку.

Ключові слова: ідеальний образ, імаго, знак, мозок, семіотика, креатив.

This article considers the role of ideal images in the creative development of persons, unity of the imaginal and creative phenomena, stages of development of this unity in the

childhood and their beginning, onthognoseological source. Author uses the researchers of this problem in the world and fatherland history of psychology, shows a semiotic character of ideal images and their function as a natural single.

Key words: *ideal image, imago, single, brain, semiotic, creative.*

Структура творческого познания в современной психологии достаточно объективно изучена и представлена научной общественности. Наш научный интерес концентрируется вокруг проблемы возможного синтеза идеального (психического) образа и творческого сознания личности. Вполне понятно, что идеальный образ – это высшая форма самосознания личности, ее индивидуальной «Я-концепции». Особенно это касается творческой личности. В связи с этим цель нашего исследования – в общих чертах описать это единство. Задача работы – показать идеальный образ как язык познания окружающего мира креативной личности.

Наделение идеального образа статусом методологической позиции исследования личности стало одним из наиболее значительных открытий в области психологии. Достаточно указать на практическое значение данного феномена: открытие образа себя, своего самовосприятия (self-image), обретение власти над собой, укрепление внутренней уверенности в себе, обнаружение собственной самости себя, определение основополагающих способностей и талантов личности. Описывая восторги практических психологов, М. Мольц записал: «Многие хронические неудачники вдруг превратились в успешных людей, а студенты-двоечники неожиданно стали отличниками без каких бы то ни было дополнительных занятий. Более того, застенчивые, отсталые и заторможенные люди стали постепенно превращаться в довольно счастливых и преуспевающих» [4].

Идеальный образ в структуре самосознания личности – это ее «тайный образ», самая «интимная структура» и самое «глубинное качество» [там же]. Идеальный образ – это фундамент, на котором происходит не только формирование личности, но и раскрытие ее потенциалов – природных и приобретенных. При этом зарубежные и отечественные исследования показывают, что в творческом самовосприятии личности помогает не сила ее воли, а управление самовосприятием, своим самообразом. Исходя из этого взгляда, М. Мольц пишет: «Вот почему все попытки добиться выполнения какой-либо сложной задачи с крепко стиснутыми зубами всегда заканчиваются поражением. Сила воли вам здесь не поможет, а управление самовосприятием – обязательно» [там же]. Адекватное представление о себе – это одно из условий личностного и творческого самораскрытия человека. По этому поводу М. Мольц отмечает: «Человек, который думает о себе как о неисправимом неудачнике, так или иначе найдет способ потерпеть неудачу, несмотря на все свои благие намерения или развитую силу воли. Причем сделает это даже в том случае, когда удача в буквальном смысле будет преследовать его по пятам. Другими словами, человек, который убедил себя в том, что является жертвой несправедливости, что обречен на вечное страдание, непременно найдет в жизни обстоятельства, которые подтвердят его точку зрения» [там же].

Как верно резюмирует О. Глухова «все наши проблемы объясняются нашим идеальным самообразом, самовосприятием или соответствующей самооценкой. То есть, причина неудач кроется в сформированных личностью определенных мысленных образах, прочно укоренившихся и хорошо спрятанных в глубинах подсознания. Эта теоретическая философская позиция явилась для психологов указанием на то, что «самовосприятие можно изменить», «с идеальными образами можно работать» с целью формирования личности» [1].

В работе «Новая психокибернетика» М. Мольц приводит факты: «Один учащийся средней школы делал орфографические ошибки в пятидесяти пяти словах из ста и запустил столько предметов, что не сдал экзамены за весь год обучения. В результате эксперимента в следующем году он набрал в среднем девяносто один балл и стал одним из лучших учеников школы. То же самое можно сказать о девушке, которую исключили из школы за академическую неуспеваемость, а потом она стала круглой отличницей и поступила в Колумбийский университет. А один школьник, которому сказали на экзаменационной комиссии, что у него нет абсолютно никаких способностей к английскому языку и литературе, на следующий год получил почетную премию по этому предмету» [4].

Анализируя эти эксперименты, О. Глухова указывает, что все проблемы этих учащихся заключались не в их врожденной глупости или принципиальной неспособности хорошо учиться, а в неадекватном построении своего образа («У меня нет способностей к учебе», «Мне не даётся данный предмет», «Я неудачник», «Все равно ничего не получится» и т.п.) [1].

Западные и отечественные психологи сходятся на том, что для самораскрытия себя и своего потенциала надо познать прежде всего себя. Итальянский онтопсихолог А. Манегетти прямо указывает: «Кто познал образ, тот познал себя» [3]. Поскольку творческое раскрытие личности – это психический процесс, то образ – это «причинность психической деятельности человека» [3]. По А. Манегетти, «образ – это один из языков бессознательного», «феноменология внутренней ситуации субъекта, это прочтение сознательно-го «Я-человека», «это язык человеческого существования» и «онейрическое сообщение», это «бессознательная семантика» [3].

Экспериментальная психология показала, что мозг любого человека мыслит образами и это зависит от индивидуального восприятия окружающего мира. Кроме того, на формирование образа влияют индивидуальная и окружающая культура и умственные способности человека. Именно в этом контексте Л. Выготский говорил о «культуральной психике» личности. При этом люди «живут одновременно внутри образа, в тождестве с реальностью» и в реальности обладают «гораздо большим количеством одновременно возникающих образов» [там же].

Говоря о творческом потенциале личности, А. Манегетти указывает и на ее психическое преимущество, которое при неверно сформированной системе образов способно направить талант по антисоциальному пути развития. Он пишет: «Многим природа

дарует психическое превосходство, однако, этот мощный потенциал при неумелом использовании может превратиться в чудовище, угрожая самой жизни субъекта. Чем «выше», способнее рождается человек, тем сильнее в нем потребность к познанию и пониманию себя, ибо в противном случае его высшая ценность, этот природный дар может сыграть с ним самую злую шутку» [3].

При этом А. Манегетти, как ученый-экспериментатор, утверждает, что «формы возникают как результат процесса становления» [там же].

Занимаясь психосоматическими расстройствами своих пациентов, А. Манегетти отметил единство в функционировании телесного (физического, материального) и идеального (психического), которые в норме должны работать как единый слаженный механизм. Это единство он называет «базовой формой» или «самодвижущейся идентичностью» во Вселенной, в живой материи. Он пишет: «Я формообразован в определенном земном химическом контексте, который в общем можно определить как материю. Я не статичен, а нахожусь в самодвижении, я становлюсь, изменяюсь, обладаю формой. Я неизменно остаюсь верным базовой идентичности своей основной структуры» [там же].

Как знаток психических образов А. Манегетти видит в них запрограммированную функцию природы – экономическую. «Наша способность к перцептивному тематическому отбору, – пишет А. Манегетти, – есть экономическая функция природы, необходимая для выживания. Действительно, мы не можем всякий раз начинать заново познавать весь объект целиком. После тщательного ознакомления с ним нам вполне достаточно в дальнейшем лишь одного из присущих ему элементов, чтобы узнать его» [там же]. И далее: «Сознание представляет собой естественный монитор отражения, в коем энергетические векторные переменные преобразуются в знаковые проекции, отражающие общую картину действия, которое охватывает поле целиком.

Сознание – это точный монитор, раскрывающий синергетическую ситуацию индивидуального экзистенциального. Посредством сознания (если его действие совпадает с природной интенцией) можно узнать позицию и направление целостного живущего кванта; одновременно в соответствии с полученной информацией можно согласовать и упорядочить взаимодействие всех элементов внутри констелляции. Следовательно, сознание – это эйдетическая ситуация, которая обеспечивает любым способом интерактивную обратимость из внешнего во внутреннее и наоборот», а «данная личность – лишь образ» [там же].

«Монитор отклонения воспроизводит образы, являющиеся составной частью “Я”». А. Манегетти считает, что иерархия детских чувств составляет «часть вводимой системной информации, на основании которой мы систематизируем весь жизненный путь в соответствии с логикой, предлагаемой монитором отклонения. Рефлексивная матрица – это цель образов» [там же], «наша логика строится на стереотипе, и определенный тип «Я» избирает своим постоянным наставником монитор отклонения» [там же].

Интересно то, что А. Манегетти как, практический онтопсихолог, введя понятие стереотипа, вплотную подвел онтогносеологический аспект идеального образа к представлению о социально-психологическом стереотипе – подражании.

В мировой философии, социологии и психологии еще раньше говорилось о том, что идеальные образы имеют социальное происхождение, формируются в социокультурной сфере детства посредством подражания. В XIX-XX веке этот вопрос рассматривался Г. Тардом, Э. Торндайком, Дж. Уоллесом, Р. Вудвортсом. В отечественной психологии проблему подражания в детстве изучали П. Каптеров, И. Сеченов, К. Ушинский. Позже роль имитации в детском развитии стала предметом размышлений и эмпирических исследований З. Фрейда, Дж. Болдуина, П. Гийома, Ж. Пиаже, А. Баллона. Они установили, что через социальное подражание у ребенка идут процессы социализации, дети формируют свое «Я» по социальному «образу и подобию», они – представители той или иной культуры.

В современной американской психологии эти вопросы развивали дальше А. Бандура, Дж. Аронфрид, И. Узгирис и другие. Л. Выготский считал подражание источником, «началом начал» человеческого сознания и социальной деятельности. Впоследствии его идеи развивали А. Запорожец, О. Новоселова, Ф. Фрадкина и другие. Они установили функции отдельных видов подражания в детстве и его отличие от имитационного поведения животных. Затем Д. Эльконин создал концепцию периодизации психического развития, а П. Гальперин сформулировал учение об ориентировочной деятельности.

Исследования показали, что ребенок подражает «чему-то», и это «что-то» является для него «образом», в соответствии с которым строит свое поведение, понимание и осознание. Видя образы в окружающем мире, ребенок учится дифференцировать их, выбирает для себя. В процессе развития ребенка усложняются и образы для подражания, ребенок проходит стадии «простой и настойчивой имитации» (Дж. Болдуин), «спорадического и систематического подражания» (Ж. Пиаже), «подражание по образцу и представлению», стадии «копирующего, воображаемого и размышляющего подражания» (А. Валлон), связь детского подражания образу (образцу) с движением, с воспроизведением модели во внешней, материальной форме (А. Валлон), подражание «на основе особых аффективных отношений ребенка и взрослого» (З. Фрейд, А. Валлон) [5].

Социум предстает перед ребенком в образах и в соответствии с формирующейся в нем социокультурной матрицей он выбирает их для подражания, подходит к этому выбору творчески, на основе формирующейся в его сознании культуры. Социальные образы ориентируют ребенка и через них он перенимает общественные нормы и традиции. Подражание образам, их индивидуальный выбор – это онтогенетический путь формирования личности ребенка в целом и творческой активности его сознания, в частности.

Анализируя эту проблему в истории психологии, Л. Обухова пишет, что «подражание участвует в формировании личности ребенка: идентификация – механизм формирования личности» (В. Мухина); подражание – механизм становления субъективности, внутреннего мира человека (В. Слободчиков); глобальная подражательность – необходимый этап в развитии личностной позиции ребенка (Е. Субботский). Экспериментальные факты свидетельствуют о наличии в ткани детских образов моторных элементов имитационного характера (Л. Выготский, Н. Поддьяков и др.)» [5].

Исследование и имитация образов позволили отечественным и зарубежным психологам «выдвинуть гипотезу о том, что подражание в онтогенезе служит своеобразной ориентировочной частью» основных видов деятельности ребенка. С позиции концепции периодизации психического развития, разработанной Д. Элькониным, логично ожидать, что, если подражание выполняет указанную функцию, то в содержании подражания должны происходить закономерные изменения, связанные с подготовкой возникновения новой деятельности. Накопленные в психологии факты, касающиеся качественного развития подражания, могут быть рассмотрены как проявление спонтанного становления ориентировочной деятельности в онтогенезе» [там же].

Генезис имитации Л. Обухова соотносит со шкалой периодизации психического развития в детстве. По ее данным в возрасте 2–3 месяцев подражание представляет собой скорее «становящуюся форму поведения», где «подражательные действия малыша исключение, а не правило».

В возрасте 2–6 месяцев, отмечает ученый, содержание подражания «составляют мимические и пантомимические движения». В этот же период, считает Л. Обухова, «предречевые вокализации ребенка имеют имитационный характер, они моделируют разные стороны речи взрослого: интонационную, ритмическую, фонематическую. Предречевые вокализации уподобительного характера, имитация мимики и жестикиции могут быть рассмотрены как активные действенные формы сходной ориентировки ребенка в речевой действительности и в сфере выражения эмоциональных состояний.

На начальной стадии онтогенеза в совместной жизнедеятельности ребенка и взрослого ориентировочные функции полностью принадлежат матери, которая фактически выполняет для малыша функцию первоначального «образа мира» (С. Смирнов). На наш взгляд, Л. Обухова через понятие «встроенный процесс» вводит в научный контекст ощущение первого проявления будущего креатива. Она пишет: «подражание ребенка первого полугодия жизни вокализациям и мимическим экспрессиям взрослого, совершающееся по механизму эмоционального заражения, может быть понято как встречный со стороны ребенка процесс, вносящий свой вклад в построение специфичного для человека способа общения» [там же].

По мере развития ребенка, его онтогенез связан с подражанием на основе имагинальной ориентации. Здесь формируются имагинальные инновации, выбор нового аспекта в поведении. Об этом также пишет Л. Обухова: «со второй половины младенчества подражание все больше становится воспроизведением нового, того, чего еще не было в собственном поведении ребенка. Это дало основание многим исследователям считать данный период началом «настоящей имитации» (Л. Выготский, Ж. Пиаже и др.). Подражание детей старше 6 месяцев служит источником развития двух важнейших сторон поведения ребенка: одна связана с усложнением и обогащением средств коммуникации (Е. Исенина), другая – с развитием предметных манипуляций (Р. Лехтман-Абрамович, Ф. Фрадкина, И. Узгирис и др.). Имитационные движения ребенка способствуют построению у него образа конкретного предмета» [там же].

Исследования 2-го года жизни ребенка показали ученым, что в этот период появляется избирательность в подражании и «малыш уже способен использовать не тождественный, а лишь сходный по назначению предмет. Он более активен в подражании и находит образцы в самостоятельном наблюдении. Взрослый выступает для него как пример для подражания, руководитель и контролер. Среди подражательных актов: «курение трубки», «чтение вслух», размешивание ложкой в чашке, «говорение» по телефону (не как акт общения, но как монолог с телефонной трубкой в руке). Многократное воспроизведение общих схем использования вещей в разнообразных ситуациях перерастает в характерную для детей раннего возраста форму игры – предметную, ознакомительную.

Имитационно-моделирующие действия такого содержания приводят к построению специфически человеческих образов предметов, которые включают помимо конкретных непосредственно воспринимаемых свойств, также представление о том, что можно делать с этим предметом. Это и составляет ориентировочную основу для последующего развития орудийно-предметной деятельности ребенка» [там же].

На третьем году жизни ребенка имагинальные и имитативные механизмы включаются с большой силой и определенностью: ребенок уже свободно ориентируется в поведенческих моделях взрослых и включается в социально-ролевые игры. «На третьем году жизни ребенка происходит перенос акцента в имитационно-моделирующем отображении жизненных ситуаций: выделяется взрослый как основное действующее лицо, но, как правило, это конкретный взрослый из непосредственного окружения ребенка. Взрослый выступает сначала в его отношении к предметам, а позже, начиная со второй половины третьего года, и в отношении к другим участникам практической ситуации. Например, возвращаясь к игре в «укладывание спать», отметим, что ребенок по-иному отображает поведение матери. Это сдержанное похлопывание рукой и ласковая успокаивающая интонация в обращении: «спи, я тут».

Результат подражания – создание ориентировки в ситуации повседневной жизни ребенка в целом, в разных ее аспектах: предметном и межличностном. Так подготавливаются необходимые условия для становления ведущей деятельности ребенка дошкольного возраста – сюжетно-ролевой игры», – заключает ученый. [5].

На основе вышесказанного, вслед за современным ученым С. Максименко, мы можем сказать, что «психика является способом моделирования будущего» [2,]. Это моделирование начинается с тех имагинальных и имитационных шагов ребенка, о которых мы писали выше, цитируя исследователей этого вопроса.

Также ссылаясь на С. Максименко, О. Соловьев пишет, что «если психика является способом моделирования будущего, то это будущее, поскольку его еще объективно нет, может проектироваться (моделироваться, репетироваться) только с помощью замещающих реальные явления семиотических структур, то есть структур, которые означивают реальные явления, существовавшие в прошлом или существующие в данный момент». [6]. И далее «...наша способность моделировать будущее и означивание, реализуемое человеческим мозгом, формируется эволюцией «лишь» для того, чтобы человек

мог осуществлять свою жизнедеятельность в условиях объективной реальности, которая, в определенный момент взаимодействия человека со средой характеризуется детерминистским, предвидимым характером протекания процессов, а в другие моменты этого взаимодействия – вероятностью, непредсказуемостью и новизной» [6].

Кроме того, «наша способность моделировать функционально связана со способностью нашего мозга к означиванию явлений окружающего человека среды посредством нейронных структур мозга, психических феноменов и вербальных знаков» [там же].

В истории психологи считается, что Л. Выготский первым указал на семиотическую природу высших психических функций. Однако в силу ограниченности семиотического и нейрофизиологического знания того времени, значительной разобщенности ветвей науки о человеке, была выявлена лишь «вершина айсберга» семиотического процесса как процесса взаимодействия человека и его среды (в первую очередь, социальной). В его теории культурно-исторического знака был описан только социально-психологический срез семиотического процесса, который, по нашему мнению, пронизывает все уровни взаимодействия человека и его среды. *Наличие функции означивания и является критерием того, что та или иная структура функционирует как семиотическая структура.* Потому, что нейронные функциональные системы фиксируют в своей пространственно-временной структуре информацию о других явлениях (внешних раздражителях, например), они и могут считаться семиотически функционирующими [1].

Посредством активности человеческого мозга функционирует и человеческая психика: мы, субъекты, моделируем собственное будущее путем манипуляции означающими (ощущениями, идеальными психическими образами), которые означивают собой объективные явления и нашем «психическом поле» и которые фиксируют в себе информацию о прошлом. Процедура означивания проявляет себя в то время, когда «образ-проект» рассматривается как процесс репетиции будущего» [6], ведь «репетиция» может принципиально состояться с помощью сложного взаимодействия означающих в сфере психики, то есть, опять-таки, через посредство процедуры предварительного означивания явлений и объектов психическими явлениями.

Для того чтобы состоялся акт моделирования будущего, необходима реализация целой иерархии означиваний – информация об объектах и явлениях объективной реальности должна последовательно фиксироваться, во-первых, в структурах мозга, во вторых – проявляться на уровне реализуемых мозгом психических явлений. Психика является способом моделирования будущего [6], то это будущее, поскольку его объективно нет, может проектироваться (моделироваться, репетироваться) только с помощью замещающих реальные явления семиотических структур, которые означивают собой эти реальные явления, существовавшие в прошлом, или существующие в данный момент.

Наша способность моделировать будущее и означивание, реализуемое человеческим мозгом, пишет О. Соловьев, формируется эволюцией для того, чтобы человек мог осуществлять свою жизнедеятельность в условиях объективной реальности, которая, в

определенный моменты взаимодействия человека со своей средой характеризуется детерминистским, предвидимым характером протекания процессов, а в другие моменты этого взаимодействия – вероятностью, непредсказуемостью и новизной [6]. То есть, наша способность моделировать будущее функционально связана со способностью мозга к означиванию явлений окружающей человека среды посредством нейронных структур мозга, психических феноменов и вербальных знаков.

Таким образом, мы видим, что культурно-исторический знак Л. Выготского, отмечает ученый, может стать таковым лишь тогда, когда он имеет представительство в нервном субстрате, когда он означен определенными нейронными сетями человеческого мозга, включаясь в сферу информационной активности субъекта. Такое представительство может быть только семиотически реализованным, и никаким еще, ибо оно осуществляется через процедуру означивания, которая и является признаком семиотической природы любого процесса и кодирование информации в форме, образов (*imagens*) представляет собой кодирование информации об объективной реальности на основе изоморфного соответствия отображающего отображаемому [там же].

Таким образом, изучение истории анализируемого вопроса, знакомство с соответствующей мировой и отечественной литературой позволяет нам сделать ряд заключений.

Во-первых, в истории мировой и отечественной психологии идеальный образ настолько многоаспектный и многосторонний психический феномен, что стал методологической позицией научного анализа психологии личности.

Во-вторых, в результате экспериментальных исследований было доказано, что мозг мыслит образами, а образы – это естественная его функция.

В-третьих, психические образы – это механизм познания окружающего мира, связи с ним, его восприятия и творческой переработки информации.

В-четвертых, актуальность и практическая значимость проблемы идеальных (психических) образов в формировании личности не вызывает сомнения и требует своего дальнейшего изучения.

Использованные литературные источники

1. Глухова О. Г. Семиотика идеального образа в науке и психологии (концептуально-методологический аспект) // Теоретичні і прикладні проблеми психології: Збірник наукових праць. № 2 (28). – 2012. – Луганськ. – С. 129–137.
2. Максименко С. Д. Общая психология: Учебник / С. Д. Максименко. – М.: Ваклер, 2004. – 512 с.
3. Манегетти А. Образ и бессознательное: Учебное пособие по интерпретации образов и сновидений / А. Манегетти. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2000. – 340 с.
4. Мольц М. Новая психокибернетика / М. Мольц. – М.: АСТ., 2003. – 442 с.
5. Обухова Л. Ф. Детская (возрастная) психология / Л. Ф. Обухова. – М., 1996. – 216 с.
6. Соловьев О. В. Семиотика человеческого мозга / О. В. Соловьев. – Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2008. – 276 с.